

Социальная Доктрина Гнозиса

Гнозис как социальный протест. Следует помнить, что общественное положение угнетенных и эксплуатируемых не привлекало в античности особого внимания (кинники скорее представляли мудрость глупцов, чем осознавали эту проблему) утопические схемы, выдвинутые многими греческими писателями и философами, включая Зенона, Гекатея, Евгемера и Ямвлиха, оставались чистыми идеалами и не обладали практическим значением. Поэтому зависимым классам, лишенным поддержки и пребывающим в идеологической изоляции было предоставлено самим развивать свои собственные концепции, и они могли надеяться быть услышанными, по крайней мере, на Ближнем Востоке, только если были так или иначе связаны с религиозной традицией. Так иудейская апокалиптика и эзотерика и восточная вера в спасение в форме мистериальной религии также стали средствами выражения социального протеста, и голос Гнозиса, вне всякого сомнения, был самым радикальным. Его отрицание моральных традиций и видимого мира властей (включая сверхъестественные) было попыткой разрешить социальные проблемы времени под религиозным знаменем, а именно посредством тотального преодоления этого мира; это было «протестом против реальной нищеты» (К. Маркс). Итак, Гнозис может быть понят как идеология зависимых горожан, которые, тем не менее, чувствовали себя призванными к свободе в религиозно-идеологическом плане; в то же время он производил необходимые изменения восточной и греческой традиций в новом духе. (стр. 292)

Критика общества. Ранее мы отложили социальные особенности гностической программы в сторону, чтобы теперь обратить наше внимание на эту тему. Взгляд гностиков на мир и историю, как мы изобразили его, содержит критику всего существующего, которая едва ли смогла бы найти нечто подобное себе в античности. Отвержение творения вкупе с Творцом и принижение и демонизация небесных сфер (звезд и планет) с необходимостью включают неприятие и отрицание созданного античностью социально-политического мира. Впрочем, этот аспект гностического восстания против господствующей светской и религиозной системы не установлен с достаточной ясностью. Причина этого в первую очередь лежит в равнодушии гностиков к существующему миру. Для них kosmos с его различными, земными и небесными, властными структурами является негодным, немощным изделием, ненадежность которого вполне очевидна в его усилиях приостановить неизбежный процесс его собственного уничтожения (то есть угнетением “семени света” и попытками воспрепятствовать его освобождению), а махинации которого обладают только временным эффектом. Гнозис, по крайней мере, насколько нам известно сегодня, был заинтересован не в какой-либо реформе земных условий, а лишь в их полном и окончательном разрушении. Он не обладал иной «революционной» программой для изменения условий, как они виделись ему, кроме устранения земных структур в целом и восстановления идеального духовного мира, существовавшего изначально. На это указывает прежде всего практически полное отсутствие современных исторических аллюзий и даже критики Римской империи. В то же время можно найти целые группы аллюзий, прямых и косвенных, на социокритические взгляды гностиков, заметно отличавшиеся от взглядов окружавшей их среды[1]. Осознавали ли они это до деталей так, как интерпретируем мы, очевидно, уже не удастся установить с точностью.

Отрицание земных властей. Изображения и описания надмирных «властей» и «сил», особенно их «начальника» (архонта), наглядно отражает разрыв между гнозисом и верховной властью на земле, поскольку источник этих концепций лежал в политической номенклатуре античности. Поскольку первый космический правитель и демиург поработил человечество, поскольку он и его потомство ввели в мир «беспокойство» и «раздор», у гностика была графическая иллюстрация римской и любой другой власти, под которой ему приходилось жить (включая ортодоксальную церковь!) Соответственно, он стремился к «покою» и избавлению от «мирского раздора», пользуясь мандейским выражением. Примечательно, что, подрывая легитимность земного порядка, гностические системы, в противоположность современным теориям государства, считавшим царя и государство проявлением или воплощением космического порядка (гармонии!), полагали эти отношения «небожественными» и введенными только злым и «тупым» творцом мира. Тогда как эллинистическая политическая теория понимает земную власть как систему, контролируемую божественным смыслом (*pous, logos*), и этим оправдывает ее, гнозис подвергает сомнению навязанное подчинение и смысл всего этого мира, поскольку мир берет начало в ошибочном и «бесмысленном» акте. Миром правит не осмысленность, а отсутствие осмысленности. Гностик, достигший этого понимания и распознавший истинный смысл по ту сторону всех земных вещей, в то же время сродни ему самому, может поэтому подчинить мир и отбросить всякое послушание ему (открыто в своем нравственном поведении). Эта позиция, с которой мы уже знакомы, по словам Ганса Ионаса «вдребезги разбила панлогическую и пантеистическую иллюзию античного мира»[2]. Гнозис лишил античную систему правления ее сакральности; она была «низведена из приписанного достоинства вдохновленного свыше «иерархического» порядка к голой демонстрации силы... которая могла требовать подчинения, но не почитания»[3]. Это «идейное восстание» или «метафизическое опустошение» старой власти не вело, конечно, к ее действительному свержению, но контр-проект гностической системы, как она предстает нам в своей сотериологии и эсхатологии, приводил своих сторонников к критической переоценке и ослаблению политических условий.

Говорящим свидетельством этой гностической критики власти является повторяющаяся в ряде текстов (например, в Откровении Адама, ННС V, 5) идея, что совершенный гностик принадлежит к «бесцарственному роду», превосходящему все царства прошлого и настоящего и получает свое уникальное усыновление от истинного – хотя и неведомого миру – Отца людей. Но поборники этого «бесцарственного рода» – «цари в смертном как бессмертные. Они осудят богов бездны с их силами» (ННС II 5,125 13-14). Остальные роды принадлежат «царям огдоады» и в конце приходят к ним (ННС II 5,125 3ff.), то есть не достигают идеальной бесцарственной области, где каждый является царем в своем собственном праве, и потому там нет атрибутов власти, но только в «бессмертные царства» в остальной Плероме. В Послании блаженного Евгноста и Премудрости Иисуса Христа описывается «род, над которым нет царства», под которым подразумевается мир бессмертных духов, «саморожденных», «равновозрастных» и «равносильных». Высшее Существо Само обладает умом, мыслью, помышлением, мудростью, суждением и силой в совершенной мере, которая может уменьшаться в других областях Плеромы (в этой связи есть упоминания «правления» высших уровней над низшими, но как выражения гармонии и *syngeneia*). В Книге Фомы (ННС II, 7) верным обещан не только «покой», но и воцарение и единство с «Царем», под которым подразумевается Бог. Аналогично рассуждали последователи некоего Продика, оправдывавшие свои либертинистские наклонности, заявляя, что они «благородного

происхождения», «дети Царя», то есть «дети Первого Бога», над которыми ни у кого нет власти (Клим. Алекс. Строматы III, 30, 1).

Способ, которым эта полемика открыто направлялась против земных правителей, записан мандеями, по сей день остающимися гонимой общиной, так: «Мои избранные! Не доверяйтесь царям, правителям и мятежникам, и войскам, и оружию, и борьбе, и толпам, которые они созывают, ни пленникам, которых они берут в мире сем, ни золоту и серебру... их золото и серебро не спасет их. Их власть проходит и приходит к концу, и суд будет провозглашен над ними» (Правая Гинза, I, 121). Мандеи также, благодаря своему печальному опыту, терпимо относятся к «мысленной оговорке» (*reservatio mentalis*), то есть сокрытию своей веры во время гонений. Неудивительно, что мандейские тексты среди деяний их небесного Спасителя перечисляют сокрушение «цитаделей» и наказание «сильных земли».

Вопрос налогов. Гностики, подобно остальным христианам, не считали уплату налога актом признания. Евангелие от Фомы воспроизводит притчу о подати Кесарю (Мк., 12:14-17) слегка модифицируя ее: «Иисусу показали золотой и сказали: Люди Кесаря требуют от нас податей. Он сказал им: Отдайте кесарево Кесарю, отдайте божье Богу, и Мое – отдайте Мне» (ННС II, 2, log 100). Если последнее не обладает исключительно духовным значением и предназначено не только подчеркнуть преданность Богу, эта заповедь может быть напоминанием о необходимости поддержки общины со стороны ее членов.

Социальная критика. Критическое отношение гнозиса к социуму вытекает и из других фактов. Мы уже упоминали о «братской этике», которая избегает любого рода различий в общине «совершенных» до такой степени, что создает новую шкалу ценностей, противостоящую старой этике. В этом Плотин, представитель классического (греческого) мировоззрения, может оказаться полезен нам. Он обвиняет гностиков в том, что они называют «братьями» даже «самых низких людей», но не божественные силы небес (солнце и звезды) и не «нашу сестру – Душу мира». Для него было оскорбительным, что «низкий человек мог бы притязать на царство вместе с высшими»: это только для благих и душевных.

Также и с социальной стороны греческая идея космоса с его уравновешенным устройством была подорвана. Люди, включая низких и бедных, обладают божественными правами, поскольку достигли Гнозиса, и стоят над всем миром, который сам по себе не обладает никакой ценностью. Эта инверсия ценностей проявляется и в отказе от различия между «рабами» и «свободными», хотя в гностических текстах это рассматривается только как конечная цель. Тем не менее, общее самоопределение «свободные» ясно выражает отказ от любых отношений зависимости здесь на земле и настаивает на их полной ликвидации в Плероме. «В этом мире рабы служат свободным. В царствии небесном свободные будут прислуживать рабам», - как говорит Евангелие от Филиппа (ННС II, 3, 72, 17-20). Когда совершенство явится, «тогда свет совершенный распространится на каждого. И все, кто в нем, получат помазание. Тогда рабы будут свободными и выкуплены будут пленные» (ННС II, 3, 85, 24-29). Заимствуя слова Павла (Гал 3:28), со ссылкой на христианскую общину валентинианский Трехчастный Трактат описывает окончательное состояние как

возвращение от множественности, изменчивости и неравенства в место изначального единства, «где нет ни мужчин, ни женщин, ни рабов, ни свободных, ни обрезания, ни необрезания, ни ангела, ни человека, но Христос все во всем... и природа того, кто действительно раб, станет новой, и он займет место рядом со свободным!» (NHC I, 5, 132,21-133,1). Но уже в этом мире «знание истины, которое существовало до неведения... это освобождение от рабской природы, в которой страдали (все) те, кто произошел от внешней мысли» (op. cit. 117, 28-38).

Епифан: О справедливости. Благодаря некоторым выдержкам из Стромат Климента Александрийского мы знаем об уникальной книге, содержащей гностическую социальную критику; она была создана во втором столетии и носила название «О справедливости». Она была приписана некоему Епифану, предположительно, сыну легендарного основателя секты Карпократа, умершему молодым. Отталкиваясь от гностических концепций мира и свободы, он с помощью аргументов из натурфилософии и логики демонстрирует, что земные различия между «моим» и «твоим», богатством и нищетой, свободой и рабством, правителями и управляемыми неуместны и не согласны с природой; это человеческие, а не божественные установления. Автор отстаивает своеобразный гностический коммунизм и этим показывает латентную разрушительную силу гностического мировоззрения. «Справедливость Бога это общность и равноправие. Как небо покрывает равномерно всю землю и все звезды ночью видны одинаково, так и Бог, подобно солнцу, которое является источником дня и отцом света [14], освещает всех, кого он видит, в равной мере. А видит он всех одинаково, не различая между богатым и бедным, простолюдином и правителем, глупцом и разумным, женщиной и мужчиной, свободным и рабом. (2) Не исключает он и бессловесных животных, проливая (свет) в равной мере на всех тварей, не важно, злых или добрых, и таким образом устанавливает справедливость, поскольку никто не может иметь больше света, чем другие, или же утащить свет у своего соседа, чтобы у него было в два раза “светлее”. (3) Как солнце способствует произрастанию пищи для всего живого, так и общая справедливость не обделяет никого. Все участвуют в равной мере в его справедливом разделении. Отдельному быку достается то же, что и всему их роду, отдельной свинье все, что положено свиньям, а отдельной овце – все, что причитается всему их роду, и так далее. (4) Итак, справедливость – это общность [всего]. Семена всех растений, согласно их родам, равномерно рассеиваются по земле и являются общей пищей для всех травоядных животных. Все это не подчиняется никакому закону, дано всем в равной мере и кружится в складном танце, под управлением того, кто все это произвел». Далее указано, что «Законодатель (то есть иудейский Бог) должно быть шутит, когда говорит: “Не возжелай”, добавляя к этому еще более неразумные слова “имущества ближнего”. Как же может тот, кто сам даровал живым стремление к продолжению рода, запретить это людям, разрешая всем другим существам? Высказывание “жены ближнего” выглядит в этом смысле еще смешнее, поскольку призывает превратить в частную собственность то, что принадлежит всем». Выводы, повлиявшие на культ, который мог распространиться из этой общины, детально цитируются Климентом. Мы уже говорили о них.

В Иране, при царе Каваде (489-531) в кризисный момент эти социокритические концепции были проведены в жизнь и привели к революционному движению Маздака (ум. 524), который в своей коммунистической доктрине также воспользовался гностическими и манихейскими учениями и, поступив так, представил доказательство сокрушительной силы антикосмического дуализма. Поэтому О. Клима назвал это движение «гностикико-манихейскими левыми».

Отрицание собственности. Осуждение богатства, прежде всего собственности, обычно для Гнозиса и тесно связано с фундаментальной позицией воздержания от мира и всего, что его поддерживает. Однако, в то же самое время этот подход обладает значимым социокритической составляющей, как демонстрируют некоторые свидетельства. Лукиан рассказывает о «христианине» Перегрине, что он передал свое имущество общине. Евангелие от Фомы явно не приемлет денежный интерес (ННС II, 2, log 95) и по-своему повторяет притчи Иисуса о собирании богатств (ННС II, 2, log. 63), местами даже возвышая суровость тона. Притча о пире (Лк., 14:16-24) завершается замечанием о купцах и торговцах: они не войдут в Плерому (ННС II, 2, log. 64). «Кто нашел мир (kosmos) и разбогател, пусть отречется от мира» (ННС II, 2, log.110). Гомилия Свидетельство Истины направлена против ростовщичества и стремления к «Маммоне», включающего и стремление к сексуальному общению (ННС IX, 3, 68, 1-11). Важен и отрывок из Деяний Петра и Двенадцати Апостолов, осуждающий привилегированное положение богачей: Иисус предостерегает своих учеников беречь себя от богачей города, поскольку они «посчитали даже ниже своего достоинства спросить меня, но (30) наслаждались в своем богатстве и высокомерии» (ННС VI, 1, 11,27-12,13). «Многие, - продолжает Он, - в церквях испытывают особое уважение перед богатыми, поскольку и сами грешат, и другим дают пример поступать (также). Судите же их справедливо, (10) чтобы ваше служение было прославлено и чтобы Мое имя было прославлено в церквях». И церковь, и Гнозис достаточно рано были вынуждены противостоять секуляризации. (стр. 264-270)

Примечание переводчика:

Напомним также отрывок из книги Милана Лося «Ереси света и тьмы»:

«Оставляя мирскую жизнь, богомилы отказывались от всякого имущества и сурово порицали тех, кто обладал мирской властью или богатством. Козьма особенно обвиняет их в том, что они учили “своих людей” не подчиняться властям, оскорбляли богачей, ненавидели царя, высмеивали вышестоящих, осуждали бояр, верили, что Богу неуютны служащие царю, и убеждали рабов не повиноваться хозяевам[4]».

Kurt Rudolph, Gnosis, The Nature & History of Gnosticism, San Francisco, 1984.

Перевод Дм. Алексева.